

СИМОН СЕМЕНОВИЧ ИЛИЗАРОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом ИИЕТ РАН, заведующий кафедрой РГГУ (Москва)

Тел.: (495) 988-22-80; E-mail: sinsja@mail.ru

Статья посвящена Т.И. Райнову – крупнейшему отечественному историку науки. Реконструированы малоизвестные страницы жизни ученого в период его обучения в Санкт-Петербургском университете. Главное внимание в статье уделяется контактам Т.И. Райнова со своим учителем – академиком А.С. Лаппо-Данилевским.

Ключевые слова: история, наука, методология, Санкт-Петербургский университет, А.С. Лаппо-Данилевский, Т.И. Райнов, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Н.Д. Кондратьев.

ИСТОРИК НАУКИ Т.И. РАЙНОВ – УЧЕНИК А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО*

Одним из талантливейших воспитанников школы А.С. Лаппо-Данилевского был Т.И. Райнов – историк науки, науковед, философ, психолог, литературовед, экономист, социолог, востоковед, библиотечарь, библиограф. В силу обстоятельств места и времени, в которых протекала жизнь Райнова, специфических особенностей личности, обособленного состояния в научном сообществе и ряда других причин его принадлежность к школе А.С. Лаппо-Данилевского, как правило, остается за пределами фокуса внимания историографов.

В среде «историков–феодалов», особенно тех, кто занимался или хотя бы соприкасался с сюжетами по истории культуры Средневековой Руси, имя Райнова как автора непревзойденной монографии «Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу» (1940) в общем-то на слуху, но не более. То же можно сказать о тех немногих, кого интересует история отечественного науковедения и наукометрии. Для них Райнов своего рода предтеча – автор пионерской работы «Волнообразные колебания творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVIII и XIX веков». Статья была издана в 1929 г. только на английском языке в журнале «Isis» и оказалась надолго почти забытой на родине автора¹, хотя в те годы Райновым была подготовлена на эту тему монография, судьба которой пока остается неизвестной. Стоит отметить, что даже опубликованная часть творческого наследия Райнова, которая составляет меньшую долю от всего им созданного, в силу своего тематического и дисциплинарного разнообразия оказалась «разобрана» по отдельным специальностям, не изучена как целое, и потому его имя не стало общекультурным достоянием, как, безусловно, он того заслуживает. Это не позволяет понять генезис и доминанты его творчества, импульсы, приводившие к изучению тех или иных научных проблем, и проч.

Тимофей Иванович Райнов – выдающийся русский ученый и мыслитель первой половины XX в. – незаслуженно мало известен. Прошло уже свыше ста лет со дня его рождения, но до сих пор биография ученого неточна, фрагментарна и неполна². Совсем недавно удалось установить, что даже дата его рождения, фигурирующая во всех, впрочем, весьма немногих изданиях, ошибочна.

Райнов родился 29 июля 1890 г.³ в крестьянской семье в селе Кольчево Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Это село, как и ряд других близлежащих населенных пунктов, было основано в XIX в. задунайскими болгарами. До революции отец – Иван Андреевич владел посевной и усадебной землей, размер которой, видимо, был невелик. Со временем И.А. Райнов стал мелким служащим в городе Болграде, пополняя скудный семейный бюджет сдельной работой.

В анкетах Т.И. Райнов периодически указывал свою национальность то болгарин, то русский, очевидно не придавая этому особого значения. Зная болгарский, немецкий, французский и английский, родным языком он считал русский. По его словам, он начал зарабатывать с 13–14 лет давая уроки. Сам Райнов учился сперва в

начальной школе, затем с мая 1900 г. в гимназии императора Александра III в Болграде, полный восьмилетний курс которой завершил в июне 1909 г. с золотой медалью, показав при этом особые успехи в математике и языках. Такой аттестат позволял поступать в любой университет Российской империи на выбор. В образовании и самообразовании Райнова огромную роль сыграла обильное самостоятельное чтение; как он сам писал в автобиографии, читал много и без какого-либо «внешнего руководства»⁴.

В одной из анкет, заполненных в сентябре 1923 г. при поступлении на работу в Социалистическую академию, Райнов, на вопрос – состоял ли под следствием в период до установления советской власти, ответил утвердительно: в 1905 г. за участие в борьбе с хулиганством и антисемитизмом был на две недели исключен из гимназии⁵. Больше он не был замечен в участии в каких-либо революционных событиях той бурной поры и спустя годы в официальных документах лаконично характеризовал свое отношение к Октябрьской революции и советской власти как «сочувственное»⁶. Правда, в тех же анкетах на вопрос, где находился во время Октябрьского переворота и принимал ли активное участие в «Октябрьской революции, где и в чем оно выражалось», Райнов отвечал: «Участие принимал в составе I пех. зап. полка». В одном из вариантов автобиографии содержится существенное уточнение, что во время военной службы участвовал в Февральской революции в составе 1-го запасного пехотного полка, а во время Октябрьской революции «был как раз демобилизован»⁷.

После завершения гимназического курса Райнов в июле 1909 г. был зачислен на физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета. Но по каким-то причинам быстро передумал и, после подачи 17 августа того же года прошения об увольнении, уже в сентябре 1909 г. поступил на инженерно-строительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. Но и здесь он пробыл недолго – до 11 марта 1910 г. В сентябре 1910 г. поступил⁸ на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, при этом дав обязательство сдать в течение 1910–1911 академического года экзамен по греческому языку⁹. Проучившись два года, 27 сентября 1912 г. он подал ректору университета прошение о переводе на юридический факультет¹⁰. В одной из анкет 1920-х гг. Райнов писал, что юридический факультет он окончил в 1915 г.¹¹ В других его анкетах отмечено: закончил юридический факультет Петербургского университета, а также экономический отдел (факультет) Политехнического института. Подобная неточность, очевидно, возникла не случайно. Райнов, в зависимости от того, в какого рода учреждение поступал на работу, а ему приходилось довольно часто, вольно или, как правило, невольно менять служебное место, высвечивал ту или иную сторону своей профессиональной подготовки: то специалиста историка, то экономиста, то юриста, то востоковеда и т.д.

В автобиографии, составленной в 1945 г. при поступлении в только что открытый по личному разрешению И.В. Сталина и под руководством президента Академии наук В.Л. Комарова Институт истории естествознания АН СССР, Райнов счел необходимым отметить, что в универ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00817 и № 14-03-00830.

ситете он проходил курс обучения на трех факультетах: физико-математическом, историко-филологическом и юридическом и подчеркнул: «...я больше всего обязан трем своим профессорам: Б.А. Тураеву (востоковедение), А.С. Лаппо-Данилевскому (методология и история русской науки) и Д.Н. Овсяннико-Куликовскому (психология научного мышления)».

Что касается Б.А. Тураева, то его влияние на Райнова в известных на сегодняшний день документах прямым образом нигде не прослеживается. Райнов слушал его лекции по истории египетской культуры, как и лекции других профессоров Санкт-Петербургского университета (А.И. Введенского по философии и психологии, М.И. Туган-Барановского по политической экономии, А.А. Кауфмана по статистике и др.), но в анкету вписал его как своего учителя, видимо, в связи с тем, что в 1940-е гг. он действительно занимался культурой и наукой Средневекового Востока (в пределах ареала республик Советской Средней Азии) и созданием Московской группы Института востоковедения. Что касается А.С. Лаппо-Данилевского и Д.Н. Овсяннико-Куликовского, то Райнов их действительно читал как своих учителей и наставников. С Овсяннико-Куликовским и его семьей, судя по всему, его связывали особо близкие отношения. Так, в 1918 г. он жил несколько дней у них на даче около Одессы, и Овсяннико-Куликовский предпринимал усилия в чрезвычайно тогда трудном деле – трудоустройстве и обеспечении заработка своего ученика. В архивном фонде Райнова сохранились конспекты сочинений и лекций Овсяннико-Куликовского. Жизни и анализу научного наследия учителя Райнов посвятил несколько исследований, в том числе статью «Психология творчества» Д.Н. Овсяннико-Куликовского. К 35-летию его научно-литературной деятельности. Введение в феноменологию творчества», опубликованную в 1914 г. в Харькове в сборнике «Вопросы теории и психологии творчества». Среди сохранившихся документов Райнова куда меньше свидетельств об А.С. Лаппо-Данилевском, точнее, их почти нет.

В основном по материалам Райнова известно о его участии в семинарии Лаппо-Данилевского. Очевидно, он мог посещать семинарий по методологии истории в 1910–1912 гг. Нам пока неизвестно, что произошло осенью 1912 г., когда Райнов был вынужден покинуть университет. За день до получения увольнения из университета он написал 14 октября 1912 г. письмо к Лаппо-Данилевскому, в котором сообщал о неожиданном для него самого вынужденном прекращении занятий. Высказывая сожаление, Райнов приносил извинение за вносимый «сам того не желая, беспорядок в ход занятий» и сообщал, что планировавший доклад о Р.Г. Лотце¹² им не будет прочитан. Райнов завершал это краткое письмо словами благодарности и отмечал, что даже если «мне уже вообще не удастся поработать у Вас, я все же унесу наилучшие воспоминания о Вашем семинарии»¹³.

После того как в 1912 г. Райнов формально покинул университет, он вероятно, продолжал посещать университетский семинарий Лаппо-Данилевского либо бывать у него время от времени дома. Подтверждение этому находим в письме Райнова от 30 октября 1913 г., в котором он просит разрешения у Лаппо-Данилевского на посвящение ему статьи «К учению о суждении с точки зрения чистой логики». Этим, писал Райнов, «я исполнил бы посильно свой долг величайшей благодарности Вам и засвидетельствовал бы еще раз, насколько я ценю возможность работать в Вашем семинарии»¹⁴.

Если основная группа учеников (историков) А.С. Лаппо-Данилевского выглядит как довольно сплоченная, однородная масса (по крайней мере, при жизни учителя), то Райнов и другой выдающийся представитель той же школы Н.Д. Кондратьев находились в несколько обособленном положении. Это отчетливо заметно в контексте событий 1915 г., когда отмечалось 25-летие ученой деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. В изданном в 1916 г. юбилейном сборнике статей его учеников не принимали участие ни Райнов, ни Кондратьев¹⁵. Однако и тот и другой отозвались на юбилей отдельными статьями, содержащими

наиболее глубокий анализ «Методологии истории» Лаппо-Данилевского¹⁶. Вторая часть работы Райнова содержит ценные свидетельства о педагогических приемах учителя, об особенностях и истории методологического семинара. При подготовке этого материала Райнов опирался не только на свой личный опыт, но и проводил опрос многих участников семинария, в том числе списывался с теми, кто был на фронте в действующей армии. Лексикон высказываний всех, с кем он общался, как отмечал Райнов, всегда состоял «из светлых и ласковых слов...».

Статья Райнова содержит не только очерк истории и эмоциональную оценку результатов деятельности семинария Лаппо-Данилевского, но и штрихи к биографии автора, и поэтому стоит остановиться на ней чуть подробнее.

Райнов отмечал, что нынешний вид семинарий приобрел около десяти лет тому назад. Особой популярностью вследствие трудности и «сухости» занятия в семинарии не отличались, общее количество участников колебалось всего в пределах десяти человек, причем это были студенты всех почти факультетов, особенно филологического и юридического. Состав участников разнородный – по способностям, по знаниям, по подготовке. «В меру этого, – писал Райнов, – не все выносят из занятий одинаковые приобретения. Но невозможно не научиться из них хоть чему-либо, особенно по части методов научного исследования, «мышления» вообще. Уже одна необходимость изучить соответствующие материалы по первоисточнику, извлечь из них нужные данные, связать их более или менее основательно с соответствующим мирозерцанием, – и проделывать это не раз, а 4, 5 раз и больше, не считая того, что каждый в отдельности наблюдает и аналогичную работу сотоварищей, иногда даже и активно производит ее параллельным образом, – уже это одно не может не оказать воспитывающего влияния»¹⁷. Обычно каждый студент участвовал в семинарии на протяжении трех-четырех лет, и со временем между всеми устанавливалась тесная духовная связь – через учителя и благодаря общности работы.

Тематика и предмет занятий семинария, по рассказу Райнова, определялись теми специальными вопросами, которые имели непосредственную связь с методологическими занятиями Лаппо-Данилевского. Они образовывали тематический цикл, обычно возвращавшийся с соответственными изменениями через четыре-пять лет. Каждый вопрос рассматривался в течение одного учебного года – два семестра. Райнов, отметив, что он не ручается за полноту списка, дал перечень этих вопросов: учение об эволюции, о ценности, о «чужом я», о случайности, классификация наук. Автор юбилейной статьи по возрасту не мог участвовать, но знал и об этом писал, что бывали годы, посвященные методологии общественнознания (это происходило в 1902/1903, 1904/1905, 1905/1906 и 1906/1907 учебных годах).

Райнов описал ход работ семинария на примере рассмотрения вопроса о понятии случайности. По известному списку университетских лекций и практических занятий А.С. Лаппо-Данилевского, составленному А.А. Шиловым и А.И. Андреевым, семинарий по критическому разбору главнейших учений о случайности проходил в 1912/1913 учебном году. Список тем по вопросу о случайности свелся, по свидетельству Райнова, к следующему «типическим представителям» соответствующих учений: Аристотель, представители «средней Ака-

Т.И. Райнов.
Санкт-Петербург. 1912 г.

демии», Лейбниц, Кант, Курно, Лотце, Крис и Рюмелин, Виндельбанд и Бутру. Кроме того, сообщал Райнов, был сделан небольшой доклад о понятии математической вероятности в связи с учетом «случайностей»; а во время прений по отдельным докладам предпринимались экскурсии в область разных учений, прямо в основной список не вошедших.

Райнова неизменно приводили в восхищение манера А.С. Лаппо-Данилевского мыслить и исследовать предельно строго и отчетливо, его принципы предельно внимательно проводить различия между разнородными понятиями, относиться благожелательно ко всему ценному, в какой бы форме оно ни высказывалось. Об этом в статье Райнова содержится немало глубоких и проникновенных строк. Так, в частности, он вспоминал, как несколько лет тому назад, при разборе учения Канта об эволюции, изложенном в «Критике способности суждения», Лаппо-Данилевский «с удивительной чуткостью углублялся в тексты, находил оттенки и изящно реконструировал с их помощью разные значения понятия эволюции у Канта. Точно так же, с большою тонкостью он разбирал впоследствии вопрос об отношении Декарта к проблеме одушевленности животных, весьма основательно доказывая, еще задолго до нынешних авторов по этому вопросу, неверность общепринятых представлений на этот счет. Вспоминаются еще его реконструкции некоторых учений Лейбница, понятия о “вещи в себе” Канта и др. Это иногда настоящие откровения по проявленной в них проницательности мысли. Их опубликование было бы весьма желательно...». Можно заметить, что труды всех упомянутых философов Райнов внимательно изучал и их разбору посвящал свои исследования.

«Для многих, – завершал рассказ о семинарии Райнов, – участие в нем было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности – в научном их развитии и созревании»¹⁸.

Спустя несколько дней после того как вышел в свет журнал, Райнов, пересылая учителю свою статью, написал небольшое письмо, которое здесь воспроизводится полностью:

«7/III 15.

Глубокоуважаемый
Александр Сергеевич!

Прилагаемая статья моя о Вас напечатана в мартовской книге «Журнала М.Н.Пр.», в отделе “Современная летопись”. К сожалению, я должен был ограничиться в ней самыми общими чертами, частью по обстоятельствам времени и места, частью вследствие моей недостаточной компетенции в специальных вопросах “Методологии истории”. Но отметить то значительное и ценное в Ваших философских взглядах и педагогических приемах, о которых я мог судить более компетентно, я счел своим долгом, тем более, что именно специальная критика, вероятно, не коснется их с чисто философской точки зрения. – Позвольте мне, по крайней мере – в частном письме, поздравить Вас с истекшим двадцатипятилетием весьма плодотворной научной деятельности и пожелать Вам, а также и нам, Вашим благодарным ученикам, дождаться следующей четверти века и приветствовать Вас с таким же почетным итогом научного творчества.

Лично я приношу Вам и свою горячую благодарность за все, чему я научился, работая в Вашем замечательном семинаре четыре года. Я хорошо помню свои первые опыты занятий под Вашим руководством, и мне легко по себе судить об огромном воспитательном значении этого руководства. Всего заметнее на меня повлияла строгость и отчетливость Вашей манеры мыслить и исследовать, Ваши постоянные указания на необходимость внимательно проводить различия между разнородными понятиями и относиться благожелательно ко всему ценному, в какой бы форме оно ни высказывалось. Я всегда буду помнить, чем обязан Вам, и смело буду утверждать, что мои занятия в Вашем семинарии были самым отрадным явлением в моей умственной жизни последних лет. Тем охотнее сознаю это и считаю верным, что и очень многие другие Ваши ученики разделяют это отношение себя.

Душевно преданный Вам Т. Райнов»¹⁹.

Последнее сохранившееся письмо Райнова от 29 января 1917 г. свидетельствует, что он посещал Лаппо-Данилевского дома на знаменитых в истории науки пятничных приемах²⁰. Кроме этого, здесь содержится информация об участии ученого в судьбе своего одаренного ученика. А.С. Лаппо-Данилевский предпринял усилия в обеспечении Райнова работой и, видимо, с этой просьбой обратился к В.А. Бутенко. В письме Райнов информировал о встрече с ним и благодарил за неизменное внимание и помощь. Далее он писал о состоявшейся накануне встрече с Э.Л. Радловым, который также предлагал содействие в устройстве его занятий в Публичной библиотеке. Позднее, узнав от Н.Д. Кондратьева, что и этим он также обязан участию А.С. Лаппо-Данилевского, Райнов в смущении писал: «Мне совестно, что я Вам доставил столько хлопот своею особой, и мне хотелось бы иметь когда-либо возможность отблагодарить Вас всем, чем могу»²¹.

Здесь необходимо пояснение. После окончания университета Райнов в 1916 г. был призван на военную службу и определен рядовым 1-го пехотного запасного полка, расквартированного в Петрограде. Солдатская служба в полковой канцелярии была, видимо, не очень обременительна. Так, из письма, отправленного 20 марта 1916 г. к своей возлюбленной «Дорогой Женечке» – врачу земской больницы села Каменка Херсонской губернии и уезда²², становится известен распорядок дня рядового Райнова: утром читал газету, перечитывал Овсянко-Куликовского, после обеда читал третью главу «Евгения Онегина», продолжал прерванное на днях чтение «Капитанской дочки». «Сейчас – Райнов отметил время – около 4 часов дня, «из трактира прислали мне кипятку, и во время чаепития буду еще читать Овсянко-Куликовского – кое-что приходит в голову...»²³. Вечером, около 10 часов, ян, продолжая письмо, отметил, что на службу можно явиться позже девяти часов, поскольку дела там начинаются не ранее десяти часов. Отделенный от своего адресата тысячами верст, он писал о том, как ему не хватает писем от нее, и что если придет письмо «Я воскресну, стану словоохотливее и богат мыслями...»²⁴.

В архивном фонде Райнова хранится почтовая карточка, отправленная тому же адресату, но уже 20 марта 1917 г.: «Женечка, был у меня вчера вечером Н.Д. [Кондратьев]; рассказывал, что продовольствие налаживается. Скоро выйдет акт, преобразующий земство на демократических основах. Смотрит на события и будущее оптимистически, хотя начинает не очень возражать мне, когда я говорю, что, собственно, еще ничего “настоящего” не произошло. Остальное время я занимался. Жду от тебя письма, но напрасно пока...»²⁵ У Райнова были тогда и сохранялись впоследствии очень близкие, товарищеские отношения с Н.Д. Кондратьевым, который после Февральской революции являлся секретарем А.Ф. Керенского по делам сельского хозяйства, а 7 (20) октября 1917 г. стал товарищем министра продовольствия Временного правительства. После вынужденного прекращения политической деятельности Кондратьев вышел из рядов партии социалистов-революционеров, переехал в 1918 г. в Москву и полностью сосредоточился на научной деятельности и государственной службе. Оказавшись в Москве, Н.Д. Кондратьев не прекращал общения со своим учителем. Сохранились и опубликованы несколько его писем к А.С. Лаппо-Данилевскому, в одном из которых, датированных октябрём 1918 г., содержится такая ключевая фраза: «О Тимофее Ивановиче не имею никаких сведений»²⁶. Из этого следует, что, потеряв вскоре после Октябрьского переворота связь с Райновым, Лаппо-Данилевский стремился узнать его судьбу. Скорее всего, для него так и осталось неизвестным, что происходило с Райновым после прихода к власти большевиков. Дело в том, что после Октября 1917 г. Райнов, комиссованный из армии, покинул Петроград, уехал к жене, служившей сельским врачом в Херсонской губернии, и на несколько лет исчез из поля зрения петроградских друзей и коллег.

Период жизни Райнова с конца 1917 г. по 1923 г. реконструируется в общих чертах на основании личных до-

кументов, хранящихся в фондах АРАН, РГАЭ и Научного архива ИИИТ РАН, следующим образом.

На протяжении трех-четырех месяцев, с конца 1917 г. по начало 1918 г. он прожил в селе Каменка и там перенес заболевание сыпным тифом, осложненное менингитом. Оправившись от болезни только в начале весны 1918 г., переехал с женой на место ее новой службы, в село Станислав, а затем, спустя полтора-два месяца, в волостной центр в село Шестерню той же Херсонской губернии. В 1918 и 1919 гг., по словам Райнова, он занимался сельским хозяйством, видимо, подрабатывал частными уроками, помогая жене в деле обеспечения амбулатории оборудованием, посудой, керосином и проч. Выезжал в Екатеринослав и Кривой Рог. В 1919 г., после установления в тех краях советской власти, он поступил на службу преподавателем обществоведения и социальной психологии²⁷ на Высшие педагогические курсы в городе Кривой Рог. Поскольку село Шестерня находилось недалеко от места службы, в условленные для проведения занятий дни из Кривого Рога за Райновым присылались лошади. Так он прожил до 1923 г., до переезда в Москву. Безусловно, в эти годы, спасаясь вместе с женой от хаоса и бед гражданской войны, разрухи и голода, он постоянно занимался литературной работой, преимущественно в области литературоведения и психологии творчества.

Проживание в глуши, вдалеке от культурных и научных центров для интеллектуала Райнова было тяжким испытанием, и он при первой же возможности стал искать пути освобождения от этой добровольной «ссылки». Основным источником об этом периоде являются его письма к жене. Так, из письма от 25 июня 1918 г. становится известно, что в это время он находился в Одессе, где сначала поселился в гостинице «Венеция», а затем переехал на дачу к Овсяннику-Куликовским «на самом берегу моря, в зелени и на просторе». Попытки найти место преподавателя в Одессе не только в высших, но и в средних, включая частные гимназии, учебных заведениях оказались тщетны. Не помогли рекомендации и ходатайства ни Д.Н. Овсяннику-Куликовского, ни председателя Общества народного университета профессора Н.Н. Ланге, ни других авторитетных людей. В Одессе, не испытывавшей дефицита в преподавателях, оказалось «много педагогов из Бессарабии и других мест, числящихся на службе, но не имеющих мест». Кроме поиска места, Райнов был озабочен изданием своих трудов («Очерки русской философии», книга о Лаврове и др.), для чего он встречался с редакторами местных журналов и издательств, в том числе с кем-то из братьев Юшкевичей, Л.П. Гросманом и др.

А.С. Лаппо-Данилевский погиб 7 февраля 1919 г. в Петрограде, Д.Н. Овсяннику-Куликовский скончался в Одессе 9 октября 1920 г. Потрясенный одновременной утратой своих учителей и наставников, в наступившем интеллектуальном одиночестве Райнов, вырвав два разнонаправленных листа из «амбарной» книги, написал следующее пронзительное эссе:

«Две тени

Дмитрий Николаевич Овсяннику-Куликовский (1853–1920) и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) при жизни едва знали друг друга лично. Казалось, они были и очень непохожи друг на друга. И все равно в моей благоговейной памяти они как-то естественно выступают рука об руку. При большом несходстве, у них было и много общего, и как раз в том, во имя чего мы свято будем хранить память о них.

Вспоминается мило-некрасивое лицо Дмитрия Николаевича, то спокойно-задумчивое, то озаренное мягкой улыбкой, со словом снисхождения или добродушной шутки на устах. И рядом четкий лик Александра Сергеевича, то сурово-сосредоточенный, то странно сморщенный смехом, со словом осторожности или стыдливого участия на строгих устах. Один прошел свой жизненный путь с доверием к

миру и людям, не смущаемый неразрешимыми загадками и без сильных разочарований. Другой не столько созерцал, сколько испытующе всматривался в окружающее, полное для него трудных вопросов и таившее возможности непредвидимые. Творчество давалось Овсяннику-Куликовскому легко и походя: он был свободный адепт «радостной науки». Через муки внутренней борьбы шел к научным завоеваниям Лаппо-Данилевский, и был он строгим жрецом, аскетическим служителем бесконечно притязательного знания. Тревогу смущенной души один умерял в общении с великими художниками слова. Исход своим душевным волнениям другой искал в гармонических звуках и чарах музыки. Одного Вы могли застать отдыхающим за чтением псалмов, другого – в экстазе музыкальной игры, иногда в качестве композитора.

И все-таки многое сближало этих разных людей – и в их душевном облике, и в их деятельности. Оба были высокими представителями человеколюбия. Мудро признавая неизследимые тайны мира и судеб, они гордо несли знамя человеческой неподзаконности. Они верили и жизнью запечатлели, что человек, ограниченный и не вечный, имеет право и должен мужественно пролагать свой собственный, им самим себе заданный, автономный путь в мире. Понимая историческую неизбежность профессиональных религий, они не нуждались в подаваемых ими утешениях. И оба не искали в них опоры для великого слова и дела гуманности, внесенного в мир человеком. Понимание, сочувствие, сострадание и гармоническое сотрудничество людей стояли для них в мире силою собственного величия, покоряюще значимостью своей идеальности. Не будучи святыми, связанные, как все мы, житейской прозой и путями нужды, Овсяннику-Куликовский и Лаппо-Данилевский посылно претворяли их в жизнь, и сколько лиц, близких и далеких, могли бы засвидетельствовать, что это делалось ими всегда с тою щедростью духа, с тою готовностью творить добро без оглядки и счетов.

В своей деятельности оба они были философствующими учеными. Крупные авторитеты в разрабатывавшихся ими областях знания, Овсяннику-Куликовский и Лаппо-Данилевский брались за очередные задачи науки во всеоружии философской критики и самоотчетности. Критическая философия – хотя и по-разному каждым понята – делала общеинтересными их специальные научные изыскания. В синтаксических и психологических работах Овсяннику-Куликовского она играет роль основы и фона в такой же степени, как в методологических и исторических трудах Лаппо-Данилевского. И если последний кажется больше философом, чем Овсяннику-Куликовский, это потому, что он больше пуританин в выражении своих взглядов, и там, где Овсяннику-Куликовский философствует бессознательно, Лаппо-Данилевский стремится осветить сознанием каждый свой шаг.

Многочисленные ученики и почитатели обоих почивших ученых-мыслителей с благодарною любовью сохраняют память о них, и их страдальческие тени, нерадостно ушедшие от нас в эти многотрудные, трагические дни, будут являться им очищенными от всех недостатков и случайностей бренного существования, в ореолах святых нашего культурного пантеона.

Т. Райнов»²⁸.

Со смертью А.С. Лаппо-Данилевского не прекратилось его влияние на многообразное творчество Райнова, который с середины 1920-х гг. постепенно переходил в новую профессиональную исследовательскую область – историю научных знаний. Воздействие академика А.С. Лаппо-Данилевского – одного из основоположников отечественной истории науки и создателя первой академической исследовательской историко-научной структуры, отчетливо прослеживается на протяжении всей творческой жизни Райнова, ставшего в 1-й половине XX в. крупнейшим русским историком науки. Однако это тема специального исследования.

¹ На эту, одну из ранних науковедческих работ, основанных на применении математических методов, в середине 1970-х гг. указал А.П. Огурцов. См.: Огурцов А.П. Забытые изыскания // Природа. 1976. № 2. С. 123. Русский вариант статьи впервые был издан в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1983. № 3. С. 63–80, перевод В.Н. Катасонова). Более точный и полный

перевод опубликован в сборнике: Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. (М., 2010. С. 146–168. Пер. с англ. П.Н. Клюкина).

² Памяти Т.И. Райнова // Труды Библиотеки АН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М., Л., 1959. С. 384–387; *Зубов В.П., Иванов Д.Д., Каминер Л.В., Кузнецов Б.Г., Соболев С.Л., Старосельская-Никитина О.А., Фигуровский Н.А., Юшкевич А.П.* Т.И. Райнов [некролог] // Вопросы истории естествознания и техники. 1959. Вып. 7. С. 194–196; *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Т.И. Райнов – исследователь науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 4. С. 81–93; *Микулинский С.Р.* Проблемы истории и теории развития науки в трудах Т.И. Райнова // Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 262–330; *Гаврюшин Н.К.* К изучению рукописного наследия Т.И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. М., 1987. С. 170–182; *Илизаров С.С.* Райнов Тимофей Иванович // Московская энциклопедия. М., 2010. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 3. М–Р. С. 588.

³ Точная дата устанавливается на основании документов личного дела студента Т.И. Райнова, отложившихся в фонде Санкт-Петербургского университета: копия аттестата зрелости, копия выписки о рождении и крещении 21 августа 1890 г. со ссылкой на запись в метрической книге Михайловской церкви села Кольчезка 4 округа Аккерманского уезда за 1890 г., хранившейся в архиве Кишиневской духовной консистории и др. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 11–11 об., 35, 42, 61). Начиная с 1923 г., во всех выявленных анкетах советского времени собственноручно заполненных Т.И. Райновым при поступлении на государственную службу, указан год рождения – 1888. Не ясно, в какой момент и по какой причине оказался измененным год рождения.

⁴ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1 Л. 10.

⁵ АРАН Ф. 350. Оп. 3. д. 311. Л. 100.

⁶ Представление о Т.И. Райнове как о человеке индифферентном к политике отражает сегодняшний уровень разработанности его биографии. Нельзя исключить, что по мере расширения источниковой базы это представление может измениться; среди людей его круга общения и дружбы были такие социально активные, как Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин и др.; судя по всему, родственники Т.И. Райнова и его жены принимали активное участие в революционных действиях в Бессарабии.

⁷ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1 Л. 2, 10.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Информация о прохождении курса на юридическом факультете основана на свидетельствах самого Райнова. Документов, подтверждающих это, пока не найдено. В справке из Санкт-Петербургского университета от 18 сентября 1915 г., направленной в Измайловское уездное по воинской повинности присутствие, следует, что Райнов выбыл из университета в октябре 1912 г., и его местожительство университету не известно (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57557. Л. 12). В этих же документах имеется свидетельство, согласно которому Райнов слушал лекции по весну 1912 г., и 15 октября он получил на руки свидетельство об увольнении из университета (Л. 20). Правда, у него оставался пропуск для входа в университет на 1912/1913 учебный год, и в ноябре 1912 г. он получил разрешение Министерства народного просвещения об отсрочке на сдачу поверочного экзамена по греческому языку в течение 1912/1913 учебного года. В одном из вариантов автобиографии, составленной в Комакадемии в 1935 г., имеется пояснение Райнова о том, что он «регулярно учиться не мог вследствие, главным образом, материальных причин. Выйдя в 1911 г. из числа студентов, сдал в 1915 г. государственные экзамены экстерном по юридическому факультету в Петербургском университете» (АРАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 197. Л. 5).

¹¹ РГАЭ. Ф. 7285. Оп. 1. Л. 10. Здесь же он писал, что в студенческие годы существовал уроками, переводами и т.п. Научной работой стал заниматься с 1910 г.

¹² Рудольф Герман Лотце во второй половине XIX – начале XX в. был самым известным философом и естествоиспытателем в Германии. В этике Лотце ввел понятие «ценности». Как раз в 1910/1911 учебном году на семинарии А.С. Лаппо-Данилевского проводился критический разбор важнейших учений о ценности (См.: Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 43). Работа, проводившаяся при подготовке к докладу о Лотце, нашла отражения в статье Т.И. Райнова «Гносеология Лотце» (Новые идеи в философии. 1913. № 7. С. 80–114), в которой анализировались две разные тенденции в теории познания этого философа, оказавшего сильное влияние на германскую философию.

¹³ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 3. Статья Т.И. Райнова была опубликована в 1913 г. в «Вестнике психологии криминальной антропологии и педологии».

¹⁵ Все авторы сборника были участниками дипломатического семинария А.С. Лаппо-Данилевского. Упоминание Т.И. Райнова как участника с 1907 г. (?) семинара по дипломатике частных актов (см.: *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 317) требует дополнительного обоснования и изучения.

¹⁶ *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. LVI. Март. С. 57. *Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Т. 20. С. 106–124. Критический обзор работ Т.И. Райнова и Н.Д. Кондратьева дан в книге: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 227–230.

¹⁷ *Райнов Т.И.* Указ. соч. С. 56–57.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 4–5. О более-менее постоянном участии в семинарии А.С. Лаппо-Данилевского находится косвенное подтверждение в письме Т.И. Райнова к В.И. Вернадскому от 7 апреля 1928 г., где он пояснял: «Я по специальности – философ и ученик покойного А.С. Лаппо-Данилевского, в семинаре которого (по методологии истории) я в свое время проработал 5 лет...». (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1349. Л. 3).

²⁰ Об этих встречах и их значении имеются свидетельства нескольких учеников А.С. Лаппо-Данилевского – Б.Д. Грекова (Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 155), С.Н. Валка (Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 197–198), Г.В. Вернадского (Русская историография. М., 1998. С. 187–188) и др. См. также: *Малинов А.В., Погдин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 29–32.

²¹ СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 3. Д. 306. Л. 6–7.

²² Не ясно, был ли в это время уже оформлен брак Т.И. Райнова с Евгенией Борисовной Беньямович.

²³ НИОР РГБ. Ф. 411. Карт. 14. Д. 18. Л. 1

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004. С. 649.

²⁷ АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 311. Л. 99.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 441. Карт. 3. Д. 4. Л. 1–4.